

Творческий портрет народного артиста СССР

ВДОХНОВЕНИЕ И ТАЛАНТ

ба», бесподобные Бельтран и Тристан, солдат - пограничник Бородин («Хрустальный ключ»), бодярин Василий Шуйский («Великий государь»), мудрый, озорной, потешный Шельменко...

Все они мирно уживаются в нем... до третьего звонка. Занавес поднят. И остается только кто-то один. Дженнаро, например, потому, что в краевом драматическом театре им. М. Горького дают «Человека и джентльмена» Эдуардо де Филиппо.

Глава крохотной бродячей труппы, Дженнаро — Присяжнюк чрезвычайно деловит, активен и преисполнен решимости добиться успеха. Есть что-то уморительно-смешное в разительном несоответствии между его серьезностью, масштабом требований и весьма скромными возможностями «труппы». И вместе — трогательно влюбленность Дженнаро — Присяжнюка в искусство. Чем ближе знакомишься с ним, тем больше убеждаешься, что он человек редкостной доброты и самоотверженности. Он работает и работает неистово, подвижный сознанием, что судьба четырех человек зависит от него, только он может спасти их от голода, нищеты, окончательного крушения всех надежд. И, чтобы выстоять, он изворачивается, льстит, угождает, а перед товарищами всегда уверен в себе, «пробивной малый». Жизнь в маске — своего рода социальная мимикрия. Дженнаро — Присяжнюк принадлежит к той категории буржуазного общества, которой недоступна роскошь быть самим собой, быть грустным, когда ему грустно и быть веселым только тогда, когда ему весело.

Лишь однажды маска падает с его лица — когда вдруг кажется, что он может поте-

рять Виолу. Прочтенный этой мыслью, он не в силах скрыть мучительную боль. Нет, не лицо — душа человека открылась нам. Любовь Виолы — единственное, что у него есть в жизни. Эта пауза — как взрыв, беззвучный, безмолвно звенящий в тишине зала...

В Дженнаро — Присяжнюке воплощено обаяние истинно человеческого, с его болью и проблемами, товарищеской солидарностью, поисками, и, несмотря ни на что, надеждами.

Откуда полунищий, бездомный итальянец Дженнаро, обреченный, как ни велики его достоинства, быть человеком второго сорта, — в Присяжнюке, человеке счастливой судьбы? Счастливой не потому, что очень многое ему дано — и без усилий и труда, а потому, что только от его труда и усилий зависит исполнение всех его надежд и мечтаний, и они свершаются! Как он может так естественно и достоверно прожить жизнь Дженнаро и сотни других жизней людей разных классов, эпох, национальностей и зачастую чуждых его собственной человеческой сути и морали?

Может, потому, что есть мастерство, великолепная пластика, музыкальность, восхитительное чувство юмора? Да, без техники игры нет актера. Но одна техника еще не актер. Главное — талант души, открытой жизни, впитывающей ее, познающей и понимающей, покоряющей ее форму и покоренной ее поэзией.

ЭТО НАЧАЛОСЬ с началом сознательной жизни, а сознательной она стала очень рано в семье переселенца-бедняка, которого нужда согнала с земли и сделала пролетарием. Работал с семи лет. Если бы приставили его к какому-нибудь столярному, слесарному ремеслу, природный дар дал бы постигнуть до доньшка все секреты дерева или ме-

талла. Но он стал разносчиком газет, и, чтобы заработать на хлеб этим немудреным ремеслом, надо было овладеть совсем другим «материалом» — человеческим. Надо было точно знать, кому предложить «Блоху»: «Вот газета с того света про Марусенькину жизнь...», кому «Далекую окраину», а от кого услышать вполголоса приписанное другое название...

Был еще совсем мальчишка, а глаз приметливый — успевал замечать, какое лицо делалось у клиента ресторана «Золотой Рог» или кабаре «Павлиний хвост», когда он пробегал глазами сообщения о действиях партизан, и как их же читал свой брат рабочей с Первой Речки.

Шныряя в толпе, видел, кто приветствовал цветами и хлебом-солью разномасное, пестрое интервентское войско и колчаковцев, а кто, светлея лицом, вышел навстречу частям Народно-революционной армии...

Так деревянные тротуары старого Владивостока стали его первыми университетами. Там он получил — одновременно, это важно — и первые уроки классовой борьбы, и первое, пусть не до конца осознанное, понимание человеческой природы.

Потом он учился, вступил в комсомол, был в числе энтузиастов-организаторов и первых артистов ТРАМА — театра рабочей молодежи во Владивостоке. Так на всю жизнь и остался служить в театре, служить искусству и людям, — с первых шагов вооруженный социальным, классовым пониманием человека, его устремлений и порывов, его взлетов и падений, его побед, надежд и судеб. Вот это понимание вместе с природным талантом и мастерством и сделало Андрея Присяжнюка артистом — народным артистом СССР.

МАСТЕРСТВО, актерская техника — дело наживное. И

артист наживал его, с каждой новой ролью богатея еще на одну человеческую судьбу, характер, жизнь. И при этом он всегда оставался в главном фарватере социального бытия своего народа — стал коммунистом, не раз избирался партийным вожаком коллектива. В войну выезжал в действующую армию в составе первой фронтовой концертной бригады 1-го Приморского фронта. Постоянно, почти ежедневно выступал с концертами для раненых в госпиталях. Дружбу с армией сохранил на всю жизнь — он и сейчас председатель краевой военно-шефской комиссии, в войну награжден грамотой за «...самоотверженную работу по восстановлению здоровья раненых бойцов Красной Армии», а в мирное время — медалью «За отличие в охране государственных границ СССР». Он избирался депутатом Фрунзенского районного и Владивостокского городского Советов.

Общественная активность А. А. Присяжнюка и его творческая деятельность взаимно обогащают друг друга. Чем выше поднимается он как художник, тем лучше выполняет свой долг коммуниста. И чем полнее его общественная деятельность, тем значимее творческие свершения.

«Человечнейшим из комиков» назвала А. А. Присяжнюка центральная пресса, и это можно понять. Для художника-коммуниста человек — высшая ценность на земле. С огромной покоряющей силой прозвучало это в образах Алешки, Перфилия, Лузина из пьес М. Горького, в обаятельном 1-м бойце из «Первой Конной», в часовнике из «Кремлевских курантов», в блистательной плеяде комических ролей, всегда у А. Присяжнюка осененных светом доброты. И в Захаре («Рельсы гудят»), Изаушкине («Битва в пути») есть его ответ. Успех резко отрицательных ролей, сыгранных артистом, — Крутилин, Демин, Котихин, Швач,

Обй — имеет тот же источник — именно человеколюбие артиста дает ему ту страстную силу отрицания, которая заложена в этих образах, а его мастерство делает их реальными, узнаваемыми.

Артисту и режиссеру (он постановщик пятнадцати спектаклей) А. А. Присяжнюку, разумеется, приходилось встречаться с драматургическим материалом различной степени совершенства. Тем не менее, его роли и постановки почти неизменно пользовались большим и прочным успехом. Думается, в любом случае все решало умение обогатить пьесу — привнести в нее свое знание действительности, идейное, классовое отношение к отраженным в пьесе проблемам.

В спектакле «Шторм 8 баллов» маленькая эпизодическая роль старого пианиста Абрама Марковича вдруг засветилась, точно «рабочая» на идею спектакля: А. А. Присяжнюк создал образ человека, счастливого тем, что делал добро людям.

Ставя комедию «Неравный брак» (она «действует» в репертуаре театра уже четвертый сезон), А. А. Присяжнюк, прославленный виртуоз-комик, берет себе самую некомическую роль в пьесе и играет ее так, что, сквозь перипетии веселого, очень смешного спектакля прорастает и выстраивается высокая гражданская тема об истинных и мнимых моральных ценностях, о рабочем человеке как носителе тех нравственных идеалов, на которых зиждется наше общество.

Как надо любить жизнь, как жадно впитывать ее во всех проявлениях, идти на контакты с действительностью оголенными нервами, чтобы накопить в себе столь плодотворный багаж познаний и мастерства.

Приморцы горды тем, что в первую очередь они питали творческую фантазию любимого артиста: в доверительных беседах с приморцами узнавал он заботы и мечты, планы и проблемы современников.

Неповторимая красота приморских городов и селений, поэзия морских и таежных пейзажей — это с ними встречался он во время поездок по краю с гастрольями, шефскими концертами.

Приморье — его героическая революционная борьба, величайшее напряжение сил народа, беззаветно отданных освобождению от пут старого мира, а затем созданию нового, когда край заседал поля, строил порты, выводил корабли в Мировой океан, — Приморье стало судьбой художника-коммуниста. И во всем добром, что сделано в родном крае, есть и его весомая доля.

Такого уголка нет в нашем просторном Приморье, где бы не знали, не любили артиста Присяжнюка. А то, что его полюбили и запомнили в Москве, Ленинграде, Хабаровске, Сочи, Ворошиловграде, Иркутске, Комсомольске, Ангарске, что центральная пресса, ошенивая его игру, испытывала явные затруднения в поисках превосходных эпитетов («талантливо и ярко», «вновь блеснул», «блистательное исполнение», «блестяще сыграл», «великолепен артист А. Присяжнюк», «невозможно перечислить все оттенки этой блистательной сыгранной роли...»); что от Байкала до тихоокеанских берегов именно на приморской почве впервые в истории нашего театра вырос народный артист Советского Союза, — в этом гордость и слава Приморья.

...Сладкое слово — слава! Нет артиста, равнодушного к ней. Но когда артист — Мастер, то еще слаще для него — работа, работа до жаркого пота... Без нее и слава не в сладость!

Наступает новый день, раскинув яркую синеву осеннего неба над Владивостоком. По солнечной Ленинской идет Андрей Присяжнюк на репетицию...